

Правила Соблазнения ВРАГА

18+

МИРОСЛАВА ВЕРЕСКОВА

Мирослава Верескова
Правила соблазнения врага

«Автор»

2026

Верескова М.

Правила соблазнения врага / М. Верескова — «Автор», 2026

Их ненависть была идеально отточенным оружием. Лиля и Артём годами гребали друг другу сделки, зная все слабые места соперника. Теперь их компании сливаются, и приходится работать в одном кабинете. Дышать одним воздухом. Считать каждый вздох. Абсурдное предложение сыграть страстную пару на корпоративе кажется адской шуткой. Но игра — их конёк. Один фальшивый поцелуй для публики, один шёпот «я тебя желаю» в такт музыке рушит все границы. Они слишком долго мерялись силами. Самое время выяснить, кто кого соблазнит. И проиграет с наслаждением.

© Верескова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Рабочее пространство, личное напряжение	5
Горячий бриф и холодный пот	10
Правила прикосновения	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мирослава Верескова

Правила соблазнения врага

Рабочее пространство, личное напряжение

Кондиционер гудел надрывным басовым гудением, выстуживая воздух до состояния стерильного льда. Лиля почувствовала, как мурашки побежали по предплечьям, едва она переступила порог кабинета № 14 на 24-м этаже башни «Вертекс». Пространство было просторным, даже слишком: панорамное окно от пола до потолка открывало вид на свинцовую гладь залива и низкие, тяжелые облака. Все здесь кричало о дорогой минималистичной пустоте: полированный бетонный пол, хромированные ножки у мебели, белые стены без единой картины. И два массивных стола L-образной формы, поставленных напротив друг друга так, что сидящие за ними оказывались в непрерывном визуальном контакте.

Ее стол уже стоял у окна. На нем – новый ноутбук, стопка папок с логотипом объединенной компании и кактус в бетонном кашпо, который она принесла из своего старого офиса. Единственный намек на личное. Она сняла пальто из тончайшей кашемировой шерсти, почувствовав, как холодок тут же обнял ее плечи под шелковой блузкой. Повесила его на стойку, движением привычным и медленным, давая себе секунду осмотреться. Освоиться. Занять территорию.

Дверь открылась вторым, резким шелчком. Он вошел, неся с собой волну прохладного воздуха из коридора и другой, более плотный шлейф – свежего кофе, древесного одеколona и чего-то сугубо кожного, мужского. Артём. Он не посмотрел на нее сразу. Он осмотрел кабинет взглядом полководца, оценивающего поле предстоящей битвы. Его взгляд скользнул по ее столу, по кактусу, по кашемиру на вешалке, и только потом, неспеша, уперся в нее.

«Верескова», – кивнул он, одним словом обозначив и приветствие, и вызов.

«Новиков», – парировала она, опускаясь в свое кожаное кресло. Оно издало тихий, покорный шелест.

Он скинул пиджак, повесил его рядом с ее пальто. Под пиджаком – идеально сидящая серая рубашка с расстегнутой на две пуговицы верхней частью. Она увидела движение ключиц, тень впадины у основания горла. Он сел. Стул заскрипел под его весом, иначе, громче. Так начался их первый день.

Тишина была первой и самой громкой составляющей их нового рабочего процесса. Не тишина покоя, а густая, звенящая тишина перед выстрелом. Ее нарушали только механические звуки: стук ее каблука по бетону, когда она нервно покачивала ногой под столом; скрежет его стула, когда он отодвигался, чтобы взять документ из принтера; сухое шуршание бумаги. И дыхание. Она с ужасающей четкостью начала различать его дыхание. Глубокое, ровное, с легким шипящим звуком на вдохе, будто он постоянно оценивал обстановку даже на уровне рефлексов. Она поймала себя на том, что подстраивает под этот ритм собственное дыхание, и насильственно сбила его, сделав резкий, короткий вдох.

Запах. Это было хуже всего. Ее духи – горький миндаль и цитрус – боролись с его древесным, холодным одеколоном, и в этой борьбе рождался третий, общий аромат, который висел в переохлажденном воздухе. Он проникал повсюду. Она чувствовала его на языке, когда делала глоток воды. Она ощущала его в легких. Это был запах самой близости, физической, неотвратимой. Через час к нему добавились ноты теплой кожи, когда воздух в кабинете немного прогрелся от их тел. Его кожа. Он потер ладонью щеку, и она услышала легкий скрежет щетины. Звук ударил по нервам, как искра.

Она пыталась работать. Взгляд упирался в экран, но периферией зрения она видела все. Как он закатывает рукава, обнажая предплечья с выступающими венами и темными волосками. Как его пальцы – длинные, с широкими суставами – летают по клавиатуре, нажимая клавиши с твердым, отчетливым щелчком. Как мышца на его скуле играет, когда он что-то обдумывает, сжимая челюсть.

Его первый прямой выпад случился через полтора часа.

«Отчет по «Кроносу» за прошлый квартал, – сказал он, не глядя. Голос был низким, ровным, и звучал в тишине как удар гонга. – У тебя должна быть финальная версия. Пришли».

Это был не вопрос. Это было требование. На ее столе лежала распечатанная версия с ее пометками. Она могла бы просто переслать файл. Вместо этого она медленно поднялась, взяла папку и сделала пять шагов через разделяющее их пространство. Ее каблук отдалась эхом в ее же черепе. Она почувствовала, как его взгляд поднялся от монитора и уперся в нее, тяжелый и оценивающий, когда она приближалась.

«Вот, – сказала она, кладя папку на край его стола. – Хотя, сомневаюсь, что твоя команда учла поправки по маржинальности».

Он взял папку. Его пальцы скользнули по краю, почти коснувшись ее кончиков пальцев, все еще лежавших на бумаге. Контакт длился микросекунду. Этого хватило. От точки соприкосновения вверх по руке пробежал разряд, горячий и острый. Она не отдернула руку. Она позволила ему почувствовать эту же статику.

«Моя команда, – произнес он, глядя уже не на отчет, а на ее руку, – считает реальные цифры, а не художественные прогнозы». Он отпустил папку, откинулся в кресле. Его взгляд пополз вверх, по рукаву ее блузки, к плечу, к шее, к губам. Медленно, намеренно. «Спасибо за материалы, Верескова».

Она вернулась на свое место, чувствуя, как жар от того взгляда все еще пылает у нее на щеках. Она села, и шелк блузки прилип к спине. Кондиционер гудел, но в кабинете стало душно.

Обед они проигнорировали по молчаливому согласию. Уйти – означало признать поражение, показать, что эта ситуация требует передышки. Вместо этого он заказал кофе. Принесли два стакана. Его – черный, без ничего. Ее – латте с кокосовым молоком. Запах горького эспрессо смешался со сладковатым паром от ее чашки, создавая новый, сбивающий с толку коктейль.

Он встал, чтобы размять ноги, подошел к окну, глядя на город. Его силуэт, высокий и широкоплечий, заслонила часть света. Она видела, как ткань рубашки натягивается на его

спине при движении, как обрисовываются лопатки. Он заложил руки за спину, сцепив пальцы. Суставы хрустнули – тихий, интимный звук в тишине.

«Думаешь, они это специально?» – спросил он вдруг, не оборачиваясь.

«Кто?» – она сделала глоток латте, чтобы голос не дрогнул.

«Наше начальство. Эта... клетка».

Она рассмотрела его отражение в стекле. Его лицо было серьезным, почти задумчивым.

«Скорее, дешевый психологический эксперимент, – сказала она. – Посмотреть, выживем ли мы или сожрем друг друга к концу недели».

Он повернулся, облокотившись о подоконник. Его темные глаза теперь были прямо на ней. «А какой твой прогноз?»

Игра. Всегда игра. «Я выживу, – отрезала она. – Вопрос в твоей живучести».

Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки. «Мне нравится твой оптимизм. Напоминает мне твой прогноз по рынку полимеров в семнадцатом году. Ты тогда сильно ошиблась».

Укол пришелся точно в цель. Старая рана. «Зато я не провалила сделку с «Гелиосом» из-за завышенного самомнения», – выпалила она, и тут же пожалела. Это звучало по-детски.

Но он не рассердился. Напротив, его глаза вспыхнули азартом. Он оттолкнулся от окна и сделал несколько шагов к центру комнаты, сокращая дистанцию. «Самомнение? Или точный расчет рисков, который твоя команда не смогла оценить?»

Они смотрели друг на друга через три метра пустого пространства. Она встала. Ей нужно было встретить его на равных, не позволить ему доминировать просто потому, что он стоит. Ее стол был между ними, но он казался вдруг смехотворно маленьким барьером.

«Мой расчет был верен. Ты просто переиграл грязно».

«В бизнесе не бывает чисто, Лиля. Только победители и проигравшие». Он произнес ее имя впервые за день. Не «Верескова», а «Лилия». И это прозвучало как выстрел в упор. Грубо, без прикрас, по-хозяйски.

Ее сердце бешено заколотилось где-то в горле. Она положила ладони на холодную поверхность своего стола, чтобы они не дрожали. «И кем ты себя считаешь сегодня? Победителем?»

Он прошелся вдоль ее стола, не приближаясь, но и не удаляясь. Как хищник, вышагивающий перед клеткой. «Сегодня... сегодня пока ничем. Сегодня – первый ход в новой партии». Он остановился напротив, по другую сторону стола. «И мой ход – наблюдение».

Он смотрел. Он изучал. Его взгляд был осязаем, как рука. Она чувствовала его на своем лице, на губах, на груди, на бедрах, скрытых под столом. Этот взгляд снимал слой за слоем

– шелк блузки, кожу, плоть – добираясь до сути, до той дикой, животной части, которую она годами прятала под костюмом и ледяными презентациями.

И она смотрела в ответ. Видела, как кадык у него дернулся, когда он сглотнул. Видела легкое движение его грудной клетки под рубашкой. Видела, как его пальцы слегка сжались в кулаки, а потом разжались, будто от некоего импульса, который он едва сдержал.

«Что ты видишь?» – спросила она, и ее собственный голос показался ей чужим, низким, с той самой предательской хрипотцой, которая появлялась от усталости или сильных эмоций.

Он наклонился чуть вперед, упершись руками в ее стол. Они не касались, но расстояние между его лицом и ее лицом сократилось до полуметра. Она почувствовала его дыхание – теплый, кофейный выдох, пахнувший еще и чем-то острым, пряным.

«Я вижу соперника, который пытается не дрогнуть, – прошептал он. – Которой жарко, хотя в комнате холодно. Которая три раза за последний час накручивала на палец ту самую прядь волос у левого виска».

Она непроизвольно дотронулась до виска. Прядь была там, выбившаяся из туго собранного пучка. Предательская привычка, о которой он знал. Которую он заметил.

«Наблюдение – пассивная тактика, Новиков, – выдохнула она. Ее собственное дыхание сперло. – Трусовато».

В его глазах что-то вспыхнуло – темное, горячее, мгновенно погашенное железной волей. Он медленно выпрямился, отодвинувшись. Дистанция снова стала неодолимой пропастью.

«Стратегия требует терпения, – сказал он, возвращаясь к своему столу. Его голос снова стал деловым, ровным. – К концу дня я составлю полное досье».

Он сел, снова уткнулся в монитор. Битва была на время отложена. Но поле было перепаханно.

Оставшуюся часть дня они работали в гробовой тишине, которая теперь была заряжена тысячью невысказанных слов, тысячью несовершенных движений. Она слышала каждый его щелчок мышью. Он, должно быть, слышал, как скрипит ее кожаное кресло, когда она меняла позу, пытаясь найти положение, в котором тело не будет гореть от внутреннего пожара.

Когда стрелки часов подоברались к семи, она начала собираться. Медленно, тщательно складывая папки в портфель, выключая ноутбук. Он делал то же самое. Их движения были зеркальны, как в каком-то извращенном танце.

Он надел пиджак. Она накинула пальто. Они двинулись к выходу, оказавшись у двери одновременно. Он протянул руку, чтобы открыть ее, и его рука легла на ручку поверх ее руки. Пауза. Его ладонь была теплой, сухой, тяжелой. Она замерла, чувствуя подушечки его пальцев на своей коже. Он не отдернул руку. Он надавил, открывая дверь, и провел ее движение, ведя ее руку вместе с собой, прежде чем убрать свою.

«После тебя, – сказал он, и в его голосе снова проскользнула та едва уловимая, вызывающая нотка. – Завтра продолжим».

Она вышла в коридор, не оглядываясь. Ее спина горела под пристальным взглядом, который, она знала, провожал ее до самого лифта. Воздух в коридоре казался другим – разреженным, бедным. Она сделала глубокий вдох, пытаясь очистить легкие от навязчивой смеси миндаля, дерева и теплой кожи. Не вышло.

Заперев дверь кабинета, Артём остался стоять в полутьме, глядя на два пустых стола, на два кресла, застывших в немом противоборстве. Запах ее духов все еще висел в воздухе, вцепившись в холодный, стерильный мир их новой общей тюрьмы. Он сжал кулак, в котором все еще жило эхо прикосновения к ее коже – мимолетного, но обжигающего, как случайное касание раскаленного металла. Первый день окончен. Правила не написаны. Но игра, черт возьми, уже началась. И ставки выросли до немыслимых высот.

Горячий бриф и холодный пот

Борис Игнатъевич ворвался в их кабинет, как теплый, шумный торнадо, нарушив хрупкую, отточенную за неделю тишину. Он нес с собой запах дорогой сигары, ландышевого одеколona и безграничной уверенности в гениальности своих идей.

«Дети! – возгласил он, расставив руки, будто собирался обнять сразу весь мир, а заодно и их. – У меня для вас задача. Нет, не задача. Возможность!»

Лиля оторвала взгляд от экрана, медленно, как отлепляя. Артём, сидевший напротив, уже смотрел на начальника с вежливой, замороженной улыбкой, за которой читалась готовность ко всему. Они научились этому за пять дней: молчаливому сговору перед лицом общей, внешней угрозы.

«Борис Игнатъевич, – начала Лиля, но тот махнул пухлой ладонью, отрезая возражения на корню.

«Нет, нет, слушайте! Годовщина слияния! Корпоратив в «Вивальди»! Нужен хук, вау-эффект! Люди устали от скучных речей и премий. Им нужна... история. Страсть!»

В воздухе повисла густая, нелепая пауза. Артём перевел взгляд на Лили. В его темных глазах мелькнула искра – не то ужаса, не то дикого, неподдельного азарта.

«Какую... историю вы имеете в виду?» – спросил Артём, и его бархатный голос прозвучал опасно спокойно.

Борис Игнатъевич пододвинул стул и уселся между их столами, захватив нейтральную территорию. Его глаза блестели.

«Вы – наша лучшая пара. Нет, не пара, вы – два наших самых ярких, самых... харизматичных топ-менеджера. Весь офис знает о вашем... продуктивном противостоянии.» Он сделал многозначительную паузу. «Но что, если это противостояние – лишь маска? Что, если за ним скрывается настоящая искра?»

Лиля почувствовала, как по спине пробежал холодный, липкий ручеек пота, несмотря на ледяной воздух кондиционера. «Вы предлагаете нам... притвориться влюбленными?» – произнесла она, и каждое слово далось ей с усилием.

«Не притвориться! Сыграть! Ярко, страстно, убедительно! – Борис стукнул кулаком по колену. – Танго на сцене! Шепот на ушко в толпе! Взгляды, полные тайны! Весь этот корпоратив должен трещать по швам от вашей... химии. Это поднимет дух, сплотит команды! Это будет легендарно!»

Артём медленно, словно разминая, сцепил пальцы на столе. Его костяшки побелели. «Это рискованно, Борис Игнатъевич. Может быть воспринято как... непрофессионализм».

«Профессионализм – это когда ты делаешь то, что нужно компании, даже если это выходит за рамки твоей зоны комфорта! – парировал босс. Он встал, его лицо стало серьезным. – Это не приказ. Это просьба. Стратегическая инициатива. И за нее – бонус, который вас впечатлит. И ключи от люкса на вилле после мероприятия. Подумайте. Обсудите. Детали – вам. Мне нужен результат». Он повернулся и вышел, оставив после себя шлейф ландышей и ощущение сдвинувшейся с фундамента реальности.

Дверь закрылась. Тишина, наступившая после его ухода, была иного качества. Не звенящая, а густая, как смола, обволакивающая и удушающая. Лиля смотрела в пространство перед собой, чувствуя, как жар поднимается от груди к шее, окрашивая кожу предательским румянцем. Артём первый нарушил молчание.

«Ну что, партнер, – произнес он, и в его голосе зазвучала знакомая, острая нотка. – Готов к слиянию активов на публике?»

Она резко повернула голову к нему. «Это идиотизм. Клинический. Я отказываюсь».

«Бонус тебя не впечатлил?» – он приподнял бровь.

«Меня впечатляет моя репутация. И она не стоит того, чтобы ее топтали в каком-то дешевом спектакле».

«Дешевом? – Артём откинулся в кресле, сложив руки на груди. – Лиля, мы с тобой даже враждовать умеем дорого. Если уж играть, то только безупречно. Или ты боишься, что не справишься? Что твоя игра будет слабее, чем моя?»

Вызов. Всегда вызов. Он висел в воздухе, более tangible, чем запах их духов. Азарт, тот самый червячок, что годами грыз ее изнутри во время их битв, пошевелился.

«Я не боюсь проиграть там, где не намерена играть», – сказала она, но голос выдал ее, дрогнув на последнем слове.

Он встал. Неспешно, с грацией крупного хищника, обошел свой стол и подошел к ее маркерной доске, висевшей на стене. Взял маркер. Щелчок колпачка прозвучал как выстрел.

«Давай рассмотрим как кейс, – сказал он, притворяясь глубокомысленным. – Цель: убедить 200 человек в наличии страстного романа. Целевая аудитория: коллеги, подчиненные, начальство. Риски: потеря лица при провале. Выгоды: существенное материальное поощрение, стратегическое преимущество в глазах руководства, удовлетворение от успешно выполненной сложной задачи». Он повернулся к ней, облокотившись о доску. «И вызов, Лиля. Самый сложный вызов за все годы нашего... знакомства. Ты ведь никогда не отступала перед сложностью».

Он бил точно в цель. Она ненавидела его за это. И жила этим.

«Предположим, я согласна, – сказала она, медленно вращая в пальцах дорогую ручку. – Каков план действий?»

«План, – он оттолкнулся от доски и сделал несколько шагов в ее сторону, сокращая дистанцию, – требует детальной проработки. Мы не можем выйти на сцену и просто... изображать. Нужна согласованность. Доверие».

Он остановился в метре от ее стола. Слишком близко. Как всегда.

«Доверие? Между нами?» – она фыркнула.

«Между нашими ролями. Нам нужно отрепетировать. – Его взгляд упал на ее губы, задержался на секунду дольше приличного, и вернулся к ее глазам. – Мимику. Жесты. Физический контакт».

Слово «контакт» повисло в воздухе, обрстая плотью. Лиля почувствовала, как по ее внутренней поверхности бедер пробежали мурашки.

«Что ты конкретно предлагаешь?» – ее голос стал тише.

«Начать с малого. С самой базовой, но самой важной детали публичного романа. – Он сделал еще один шаг. Теперь между ним и краем ее стола не было ничего. – С поцелуя».

Она замерла. Сердце заколотилось где-то в районе горла, громко, неровно. «Репетировать... поцелуй».

«Для правдоподобности. Чтобы не выглядеть как два деревянных болванчика, когда это придется делать при всех. Чтобы не столкнуться зубами и не рассмеяться в самый неподходящий момент». Он говорил разумно, деловым тоном, но его глаза выдавали игру. Выдавали охоту.

Азарт зашевелился в ней с новой силой, горячий и безрассудный. Это было безумие. Абсолютное. И чертовски заманчивое. Сказать «нет» – означало струсить. Признать, что он может ее раскачать, вывести из равновесия. А она не признавала этого никогда.

«И где ты предлагаешь провести эту... репетицию?» – спросила она, поднимаясь. Ей нужно было встретить его на равных, не сидя. Она вышла из-за стола, оказавшись с ним в открытом пространстве кабинета. Расстояние – два шага. Оно вдруг стало измеряться не метрами, а количеством общих нервных импульсов.

«Здесь и сейчас, – ответил он просто. Его взгляд был прикован к ее лицу. – Пока свежа идея. Пока... не передумали».

Он не двинулся с места, давая ей сделать последний шаг. Давая ей контроль. Или проверяя. Она сделала его. Один шаг. Теперь они стояли так близко, что она видела мельчайшие детали: крошечную родинку у внешнего уголка его глаза, темную щетину, пробивающуюся на скулах, легкую сухость на его нижней губе. Чувствовала исходящее от него тепло, как от раскаленной плиты.

«Правила?» – выдохнула она.

«Никаких правил. Только... правдоподобность». Его голос опустился до интимного, густого шепота, который прошелся по ее коже, как прикосновение.

Она кивнула, один раз, резко. Согласие. Вызов принят.

Он медленно поднял руку. Давая ей время отпрянуть. Она не отпрянула. Его пальцы коснулись ее щеки, легким, почти невесомым движением. Подушечки были шершавыми, теплыми. Они провели линию от скулы к подбородку, заставляя ее кожу гореть следом. Его большой палец остановился у уголка ее рта. Давление было едва осязаемым, но от него все внутри нее сжалось в тугую, сладкий узел.

Он наклонился. Медленно, давая ей прочувствовать каждую миллисекунду приближения. Его дыхание коснулось ее губ первым – теплый, влажный выдох, пахнущий мятной жвачкой и крепким кофе. Запах его кожи, древесный и мускусный, стал острее, плотнее, он заполнил собой все ее пространство.

Расстояние сократилось до сантиметра. Их губы не соприкасались, но она уже чувствовала их форму, их тепло, их потенциал. Электрическое поле, возникшее между ними, гудело на частоте, от которой звенело в ушах. Она видела каждую ресницу в его опущенных глазах, чувствовала, как его дыхание сплетается с ее собственным, становясь общим, прерывистым. Ее собственные губы приоткрылись непроизвольно, навстречу.

Он замер. Они оба замерли в этой невыносимой, сладостной попытке почти-касания. Вся вселенная сузилась до полоски пространства между их ртами. Она чувствовала пульсацию крови в своих губах, такую сильную, что казалось, они вот-вот лопнут. Его большой палец слегка сдвинулся, коснулся нижней губы. Шероховатая кожа на подушечке, контрастирующая с нежной, влажной поверхностью ее рта. Она вздрогнула. Стояка пробежала по всему телу, от макушки до кончиков пальцев на ногах.

«Правдоподобно?» – прошептал он, и его губы, должно быть, коснулись ее, но так легко, что это могло быть игрой воображения. Звук его голоса, вибрация – были физическим ощущением.

Она не могла говорить. Она кивнула, едва заметно. Ее дыхание стало частым, поверхностным. Грудь вздымалась, почти касаясь его рубашки. Он наклонился еще чуть-чуть. Теперь между ними не было даже сантиметра. Только силовое поле напряженного ожидания. Его вторую руку она почувствовала у себя на талии – легкое, несмелое прикосновение, которое обожгло шелк блузки и кожу под ним.

Она закрыла глаза. Инстинктивно. Мир погрузился в темноту, населенную только запахами, звуками дыхания и жгучим следом его пальцев. Она ждала. Ждала того, что должно было случиться, того, чего она одновременно желала и боялась больше всего на свете.

И в этот момент, когда граница была готова рухнуть, когда азарт уже перетекал в нечто иное, животное и неконтролируемое, на его столе взревел телефон.

Резкий, пронзительный, оглушительно обыденный трель врезался в их пузырь напряжения и разорвал его вдребезги.

Они отпрянули друг от друга, как два одноименных полюса магнита, внезапно освобожденные. Лиля сделала шаг назад, наткнувшись на край своего стола. Сердце бешено колотилось, вырываясь из груди. Воздух снова хлынул в легкие, холодный и обжигающий, напоминая, что они все еще в кабинете, все еще на работе.

Артём стоял, сжав кулаки. Его лицо было маской, но по натянутой коже на скулах, по быстрому движению кадыка, было видно, что его дыхание тоже сбито. Он отвернулся, резко, почти грубо, и пошел к своему столу, чтобы выключить вибрацию.

Тишина, наступившая после звонка, была теперь иной – смущенной, неловкой, заряженной стыдом и остаточным адреналином. Лиля машинально пригладила волосы, провела ладонью по блузке, будто стряхивая невидимые следы. Ее губы горели. Все тело горело. А внизу живота стояла тупая, ноющая тяжесть, сладкое и постыдное эхо прерванного момента.

Он не смотрел на нее, уставившись в экран телефона. «Это был... отдел логистики», – произнес он глухо, и его голос звучал хрипло, будто он только что пробежал стометровку.

«Ясно», – выдавила она. Ей нужно было что-то сказать. Сделать. Вернуть все на круги деловой, обыденной вражды. Но вражды не было. Была только эта дрожь в коленях и всепроникающее чувство, что они оба только что подошли к краю пропасти, заглянули в нее и отступили, испуганные собственной смелостью.

«Значит, – начал он, все еще не глядя на нее, – насчет корпоратива...»

Она перебила его, голосом, в котором слышалась сталь, наспех выкованная из последних сил. «Я согласна. Но мы делаем это по-моему. С четким сценарием. Без импровизаций».

Он наконец поднял на нее глаза. В них не было насмешки. Была концентрация, та же, что перед заключением многомиллионной сделки. И что-то еще, темное, непрочитанное. «Без импровизаций, – повторил он. – Согласен.»

Он сел за свой стол. Она села за свой. Они разделяли те же три метра, что и всегда. Но теперь эти три метра были прошиты молчаливым, обжигающим знанием. Знанием того, как звучит его дыхание у ее губ. Знанием того, как дрожит ее тело под его едва касающейся рукой.

Работать дальше в тот день было невозможно. Каждое движение, каждый вздох, каждый стук клавиатуры отдавался в этом новом, искаженном пространстве. Когда пробило шесть, они собрались молча, избегая взглядов. У выхода он снова пропустил ее вперед, не касаясь. В лифте ехали вниз, глядя на цифры, меняющиеся на табло, и дыша так, будто воздух стал вдруг слишком густым и недостаточным.

Расходясь в разные стороны у подъезда, под морозящим холодным дождем, они не сказали «до завтра». Это было не нужно. Незавершенный поцелуй висел между ними, как контракт, подписанный кровью и обещанием. Игра изменила правила. Теперь ставкой было не просто профессиональное превосходство. Теперь на кону стояло нечто куда более хрупкое, опасное и сладкое – их собственная, идеально отточенная иллюзия контроля.

Правила прикосновения

Зал «Вивальди» был ослепительной, оглушительной иллюзией. Хрустальные люстры дробили свет на миллионы бегающих зайчиков, отражающихся в полированном паркете и в бокалах с шампанским, которые, казалось, никогда не пустели. Гул голосов, смех, приглушенные аккорды джазового трио – все это сливалось в сплошной, навязчивый фон. Но для Лили и Артёма этот фон давно перестал существовать. Он растворился, как только они переступили порог, надев маски идеальных партнеров по игре.

Их вход был рассчитан до секунды. Он пришел в строгом, но безупречно сидящем темно-синем костюме, белая рубашка подчеркивала загар его шеи. Она – в платье цвета спелой сливы, из какого-то струящегося, матового шелка, которое облегалo каждый изгиб, каждый поворот, заканчиваясь высоко на бедре с одной стороны и ниспадая длинным, мягким шлейфом с другой. Это платье было оружием. И он признал это оружие первым же взглядом, когда встретил ее у бара. Его глаза, темные и непроницаемые, медленно прошли по ней, от каблучков до распущенных, уложенных крупными волнами темных волос. Никакой улыбки. Только короткий, едва заметный кивок: «Начинаем».

Первые два часа были выверенным спектаклем. Они держались на расстоянии, достаточном для двух коллег, но их взгляды постоянно находили друг друга в толпе, будто их связывала невидимая магнитная нить. Она смеялась чему-то, сказанному директором по маркетингу, и тут же ловила его пристальный взгляд через плечо собеседника. Он обсуждал что-то с группой аналитиков, и его палец небрежно вращал стопку бокала, но его внимание было приковано к изгибу ее спины, когда она наклонялась, чтобы поднять упавшую салфетку.

Борис Игнатьевич, сияющий, подвел их к центру зала, похлопывая по плечам.

«Вот они, наши звезды! – провозгласил он, и вокруг замолкли. – Кажется, я уже вижу искорки?»

Артём, не меняя выражения лица, положил руку Лили на свое предплечье. Его пальцы лежали поверх ее запястья – твердо, тепло, властно. Ее кожа под этим прикосновением вспыхнула.

«Борис Игнатьевич, вы нас смущаете, – сказала Лилия, и ее голос прозвучал с нужной ноткой легкого, игривого смущения. Она слегка наклонилась к Артёму, как бы ища защиты. Ее волосы пахнули амаретто и жасмином, и этот запах ударил ему прямо в сознание.

«Смущать? – Артём повернул к ней голову, и его губы оказались в сантиметре от ее виска. Его шепот был таким тихим, что услышала только она. – Это только разминка, Верескова». И вслух, для всех: «Мы просто рады, что можем быть частью одной команды».

Публика ахнула. Игра пошла.

Танцпол стал их первым настоящим полем боя. Музыка сменилась на медленный, томный блюз. Савокасакофона обвивала ритм, как лиана. Артём, не спрашивая, взял ее за руку и повел. Его прикосновение не оставляло выбора.

Он притянул ее к себе, оставив между их телами те пресловутые несколько сантиметров приличия, которые видели все. Но то, что видели они, было иным. Его правая рука легла ей на талию, ладонь полностью охватывая изгиб. Шелк платья был тонким, почти иллюзорным

барьером. Тепло его руки проступало сквозь ткань, жгучую, четко очерченную точку контакта. Его большой палец начал движение – не случайное, а преднамеренное, медленное поглаживание вдоль ребер, к позвоночнику и обратно. Каждое движение посылало по ее спине разряды, расходящиеся веером.

Ее левая рука лежала у него на плече. Она чувствовала под ладонью плотную мышцу, напряжение в ней. Ее правая рука была в его левой, пальцы сплетены. Слишком тесно. Слишком по-семейному. Он вел ее уверенно, его тело было неподвижным стержнем, вокруг которого она вынуждена была вращаться.

«Ты переигрываешь, – прошептала она, глядя куда-то в район его ворота. Ее губы почти касались кожи у основания его шеи. – Твоя рука... она ниже, чем нужно для вальса».

«Это не вальс, – парировал он, и его губы коснулись ее волос у виска, когда он наклонился, чтобы ее слова не унесло музыкой. – Это танго. А в танго партнер ведет туда, куда считает нужным. Чувствуешь ритм?»

Он прижал ее чуть ближе, сократив и без того ничтожную дистанцию. Теперь их бедра почти соприкасались при движении. Шелк ее платья зашуршал о шерсть его брюк. Она почувствовала твердость его тела, каждую мышцу. И кое-что еще – нарастающее, недвусмысленное напряжение в районе его паха, легкое, но уже заметное давление. От этого открытия у нее перехватило дыхание. Это была не игра. Это была физиология, голая и неуправляемая.

«Я чувствую только твое желание доминировать, – выдохнула она, и ее голос дрогнул. Она пыталась отстраниться на полсантиметра, но его рука на спине, сильная и неумолимая, не позволила.

«А я чувствую, как у тебя дрожат колени, – он провел большим пальцем по самому чувствительному месту у основания ее позвоночника. Она вздрогнула всем телом. – Боишься проиграть уже на первом этапе?»

Музыка лилась, томная и бесконечная. Они кружились, и весь зал, все эти лица, огни – расплылись в мареве. Существовали только две точки: жар его ладони на ее спине и жар, разливающийся у нее глубоко внизу живота, сладкий, тяжелый, настойчивый.

«Проиграть? – она запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Их лица были так близко, что она видела золотистые крапинки в его темной радужке, мельчайшие морщинки у глаз. – Мы же еще даже не обсудили условия контракта по «Норду». Твоя команда снова занизила риски».

Он усмехнулся, и эта усмешка была настоящей, без примеси игры. «Моя команда трезво оценивает ситуацию. В отличие от твоей, которая вечно летает в облаках оптимизма. Как сейчас».

Его рука скользнула чуть ниже, на самую выпуклость ее талии, чуть ли не касаясь низа ребер. Пальцы впились в шелк, чувствуя под ним упругое тело. Она вдохнула резко, и ее грудь при этом движении коснулась его пиджака. Между ними не было ничего, кроме двух слоев тонкой ткани.

«Оптимизм строит империи, Новиков. Пессимизм – только архивы для отчетов о провалах». Она сама не узнавала свой голос – низкий, хриплый, полный вызова и чего-то еще, что звучало как приглашение.

Он остановился. Музыка все еще играла, но они замерли посреди танцпола, будто в коконе из собственного напряжения.

«Давай заключим пари здесь и сейчас, – прошептал он. Его дыхание смешалось с ее дыханием, стало общим, горячим и влажным. – Если «Норд» выйдет на окупаемость по моему сценарию раньше, ты признаешь, что я был прав. Во всем».

«А если по моему?» – ее губы почти шевелились о его, они были так близко, что для поцелуя нужно было лишь сделать микроскопическое движение вперед. Она видела, как его зрачки расширились, поглощая радужку, превращаясь в черные, бездонные точки.

«Тогда... – он медленно, мучительно медленно, приблизил лицо. Его нос скользнул по ее щеке, шершавая щетина опалила нежную кожу. – Тогда я признаю твое превосходство. В этом конкретном кейсе».

«Мало», – прошептала она, и это было уже не слово, а стон, вырвавшийся помимо воли.

«Что ты хочешь?» – его губы теперь были в миллиметре от ее уха. Он говорил, и каждое слово было горячим прикосновением, вибрацией, которая отдавалась эхом где-то в самом тазу.

Она не знала, что хочет. Мир сузился до этого микроскопического пространства между их телами, до запаха его кожи, до давящей тяжести желания, которое пульсировало в такт музыке и их общему, сбившемуся ритму сердца. Фальшивая улыбка давно сползла с ее лица. Фальшивая непринужденность покинула его позу. Остались они – два конкурента, стоящие на краю, где ненависть и влечение переплелись в тугой, нераспутываемый узел.

«Я хочу...» – начала она, но закончить не смогла. Потому что в этот момент его рука на ее спине дрогнула и потянула ее к себе окончательно, стирая последние остатки дистанции.

Их тела соприкоснулись по всей длине. Твердая мышечная плоскость его груди и живота прижалась к ее мягкости. Его бедро втиснулось между ее ног, и через слои ткани она почувствовала жесткую, недвусмысленную выпуклость. У нее вырвался короткий, захлебывающийся звук. Вся кровь ударила в лицо, а потом стремительно отхлынула, оставив легкое головокружение. Его рука сжала ее пальцы так сильно, что кости хрустнули.

Он наклонился. Его лоб коснулся ее лба. Они стояли, дыша в одно горло, с закрытыми глазами, забыв о зале, о музыке, о двухстах парах глаз. В этом было что-то невыносимо интимное, более интимное, чем любой поцелуй. Это было падение без страховки.

«Протокол... нарушен», – пробормотал он, и его голос звучал сломанно.

«Да пошли они все», – выдохнула она в ответ, и это была чистейшая правда, вырвавшаяся из самого ядра.

Он собирался ее поцеловать. Она это знала. Она чувствовала, как его губы ищут ее губы в этом слепом, темном пространстве между их лицами. Она уже откликнулась, уже приподнялась на носках, чтобы встретить его...

Резкий, фальшиво-веселый аккорд саксофона, закончивший композицию, врезался в их пузырь, как нож. Аплодисменты. Свет. Реальность хлынула обратно ледяным потоком.

Они отпрянули друг от друга одновременно, как ошпаренные. Лиля едва устояла на ногах, ее колени подкосились. Артём сделал шаг назад, его лицо было бледным под загаром, глаза дикими. Он быстро поправил пиджак, скрывая очевидную, смущающую реакцию своего тела. Она, дрожащими пальцами, сгладила несуществующие складки на платье.

Вокруг них аплодировали. Улыбались. Подмигивали. Борис Игнатьевич где-то в толпе сиял, как тысяча солнц. Их спектакль был гениален.

Они молча покинули танцпол, направляясь к бару, к толпе, к безопасности людей и шума. Между ними висела тишина, более громкая, чем вся музыка мира. Они не смотрели друг на друга. Прикосновения больше не было. Но его след пылал на ее талии, на ее спине, между ее ног. И она знала, что он чувствует то же самое – отпечаток ее тела на своем, вкус ее почти-поцелуя на губах.

Взяв по бокалу шампанского, они стояли, притворяясь, что слушают чей-то тост. Их пальцы случайно коснулись на стойке бара. Оба вздрогнули и отдернули руки, как от открытого огня.

Игра продолжалась. Но правила были безвозвратно нарушены. Теперь они играли не для публики. Они играли для себя, на самой опасной грани, где единственным возможным исходом могло быть только взаимное уничтожение. Или взаимное падение. От этой мысли, дикой и неотвратимой, по спине Лили пробежала новая, уже сладкая дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.